

Мальчишки помладше всегда с каким-то смутным восхищением и благоговением смотрят на парней постарше — тех, от кого веет спокойной и уверенной силой.

Кевин смахнул с ладоней крошки печенья и прищурился от улыбки:

— Слышал, ты терпеть не можешь, когда тебя гладят по голове. Какое совпадение, я тоже этого не люблю.

С этими словами он поднялся, сделал пару шагов вперед, наклонился и протянул руку с улыбкой:

— Надеюсь, я не покажусь тебе противным.

Пальцы у него были длинными и чистыми, под стать его красивому лицу.

Восьмилетний Освальд, еще не совсем оправившийся от послеполуденной дремы, долго и растерянно смотрел на эту ладонь и лишь потом несмело пожал ее.

С напускной серьезностью, подобающей молодому господину, он ответил:

— Ты мне не противен.

А про себя подумал, что тот ему очень даже нравится.

В тени бирючины протяжно запела весенняя пестрая птица, и Освальд проснулся.

Сидя на просторной постели, он потер переносицу. Снаружи глухо рокотал гром. Желание спать дальше мгновенно пропало, поэтому он просто накинул на плечи одежду и размашистым шагом вышел из спальни.

Небо еще не посветлело, на улице лило как из ведра.

Махнув рукой ночным стражникам в коридоре, чтобы те не шли за ним, он завернул за угол и подошел к дверям кабинета.

Дверь была распахнута настежь, а сидевший внутри человек, развалившись без всякого стеснения, спал без задних ног прямо на столе.

Освальд: — ...

Он просто скрестил руки на груди, прислонился к косяку и стал неторопливо ждать, гадая, когда же господин Фассбиндер соизволит заметить его присутствие.

Должно быть, навеянный сном образ из прошлого оказался слишком мирным и светлым, поэтому Освальд, вопреки обычному раздражению, проявил редкое терпение.

К несчастью, Кевин по какой-то причине спал мертвым сном и, судя по всему, просыпаться в ближайшее время не собирался.

Послушав немного шум проливного дождя за окном, Освальд перевел взгляд на спящего и, наконец выпрямившись, перешагнул порог кабинета.

Кевин спал, уткнувшись щекой в левое предплечье, а его правая рука покоилась на раскрытом своде законов. Под тяжелой книгой лежала стопка пергаментных листов, с краю примостилось

перо, кончик которого успел оставить на бумаге несколько безобразных клякс.

Освальд с прищуром посмотрел на Кевина, затем убрал его правую руку со свода законов, отложил саму книгу в сторону и вытащил лежавшие под ней листы.

Как и следовало ожидать, ни единого слова переписано не было!

Впрочем, чистым пергамент тоже назвать нельзя: на нем было все что угодно, кроме текста.

Господин Кевин Фассбиндер, сидя в кабинете с его строгой атмосферой, умудрился исписать дорогую бумагу драгоценным пером Императора, намалевав целую ораву всякой нечисти.

Освальду в свое время уже доводилось оценивать художественный талант Кевина. Применив все свое недюжинное воображение и знание характера этого человека, он сумел разглядеть на рисунках дикого кролика, раскормленного похлеще свиньи, гигантскую черепаху в панцире, которая выглядела уродливее болотной жабы, льва с глупой медвежьей мордой, ошипанного стервятника и черного орла, подозрительно смахивающего на цыпленка...

Рядом красовался жирный крест, весьма красноречиво выражавший одну простую мысль: «хуже скота».

Освальд: — ...

Этот немой упрек с вероятностью в девяносто девять процентов предназначался ему лично — в конце концов, заставить кого-то переписывать законы сто раз подряд действительно мог только форменный изверг.

Покосившись на Кевина, он с досадой выдернул лист пергамента и уже потянулся за пером, чтобы размашисто написать: «Ознакомлен, наказание удвоить», как вдруг заметил рисунок и на следующем листе.

Это было нечто, отдаленно напоминающее человеческое лицо. Глаза вышли разного размера и совершенно несимметричными, а посередине красовался нос, набросанный дрожащей линией. Рядом громоздилось месиво из хаотичных вертикальных штрихов — то ли следы неудачных исправлений, то ли попытка изобразить тень.

Под этой грязной штриховкой угадывались очертания неопишимо уродливого рта.

«Что это еще за убожество?» — подумал Освальд.

Он долго всматривался в каракули, пока наконец не разглядел позади лица контуры дерева и стола. Стиль рисунка по-прежнему не выдерживал никакой критики.

Тень от ветвей? Стол? Человек?

Эти детали сложились в картинку, и в голове у Освальда вспыхнуло смутное воспоминание. Стоило ему сопоставить факты, как лицо его мгновенно потемнело.

Тук! Тук! Тук!

Освальд согнул палец и с силой постучал костяшкой по столу.

— М-м? — промычал Кевин. Он нахмурился, приоткрыл глаза и сонно уставился на него мутным, непонимающим взглядом.

— Что это за мазня? — Освальд щелкнул пальцем по пергаменту.

— М-м-м... — Кевин снова опустил голову на руку и, прикрыв глаза, невнятно пробормотал:

— Задний двор поместья Парсон...

Освальд наклонился ниже, чтобы разобрать его бормотание.

Подумать только! Этому деятелю мало того, что он тоскует по временам, когда мог безнаказанно раздавать ему тумаки, так он еще и решил запечатлеть это на бумаге! И раз уж здесь нарисован задний двор поместья Парсон, то не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кого именно изображает это чудище лесное.

Освальд: — ...

В памяти Освальда снова всплыли кадры из недавнего сна. Вспомнив свои слова, сказанные при первой встрече с этим типом, он готов был сквозь землю провалиться от стыда и вырвать себе язык.

«Какое там нравится?! Да я его просто терпеть не могу!»

— Подъем! — Освальд снова с силой постучал по столу.

Кевин недовольно отмахнулся:

— Давай позже... Спать хочу, умираю.

Освальд нахмурился:

— Кто здесь решает: ты или я?

На сей раз Кевину было лень даже махнуть рукой, поэтому он промолчал.

— Эй! — Освальд сердито уставился на него и уже собирался прикрикнуть сильнее, но заметил, что дыхание Кевина выровнялось. Тот действительно снова уснул, вот только его брови по-прежнему оставались нахмуренными, выдавая крайнюю усталость, совершенно не вязавшуюся с его привычным обликом.

Занесенная рука Освальда замерла. Ему показалось, что здесь что-то не так.

Кевину снилось, будто он копает землю в густом лесу Андоха, окутанном плотным ядовитым туманом. Разгребая сырую грязь, он тащил за собой какое-то бесформенное тяжелое тело. Забравшись вместе с ним в яму, он засыпал себя землей сверху. Под землей было душно и сыро, все тело обволакивала противная липкая жижа, напоминавшая густую кровавую грязь.

Ржавый запах крови становился все невыносимее. Наконец, не выдержав, он раскопал землю и сел, но увидел вокруг лишь горы трупов. Неподалеку валялись поверженные знамена Бронзовой армии и Королевства Золотого Льва, почерневшие от запекшейся крови. Он опустил взгляд и посмотрел налево — рядом с ним в яме лежал Освальд.

— Проснись! — С болью в сердце он с силой потряс Освальда за плечо, но мертвец внезапно зашевелился и сел.

Освальд равнодушно выдернул торчащую из собственной груди стрелу, подобрал с земли

длинный лук и, протянув его Кевину, произнес:

— Сможешь отсюда попасть в лист бирючины на том конце двора? Покажи мне.

Кевин с трудом поднялся на ноги. Стоило ему поднять голову, как поле боя растаяло, превратившись в сад поместья Парсон. Возле столика с угощениями стоял уже взрослый Освальд и, скрестив руки на груди, с интересом наблюдал за ним.

— Хорошо, давай попробуем, — нерешительно отозвался Кевин. Прищурившись, он навел прицел на росшую в отдалении бирючину и уверенно натянул тетиву.

Стрела со свистом рассекла воздух и намертво вонзилась в ствол широколистной бирючины. Дерево задрожало и с глухим треском рухнуло на землю.

Кевин опустил лук, но внезапно обнаружил, что стоит на вершине горы. Вокруг царила оглушительная тишина, словно во всем мире не осталось ни души. Позади него медленно опускалось гигантское солнце, заливая небеса кроваво-багровым закатом.

Посреди этого безмолвного заката Кевин резко открыл глаза и очнулся от кошмара.

Приняв полусидячее положение, он огляделся и понял, что его куда-то перенесли. Это определенно был не кабинет Освальда, а просторная спальня — массивная, роскошная, отделанная темным золотом и латунью.

— Наконец-то вы очнулись, — раздался старческий голос.

Кевин повернул голову и увидел седовласого старца в безупречно строгом костюме, который сидел в кресле у постели и молча наблюдал за ним. Носогубные складки у него на лице залегли так глубоко, словно были высечены на кости, придавая ему суровый и чопорный вид. На коленях старика лежала открытая книга. Острого зрения Кевина хватило, чтобы одним беглым взглядом прочесть название на обложке: «Книга Новых Богов».

На раскрытом развороте первой строчкой значилось: «Не считай сновидения бессмысленным и нелепым странствием, ибо у каждого из них есть свой источник».

Кевин усмехнулся, отвел взгляд и обратился к старику:

— Дядюшка Иен, сколько лет, сколько зим.

Времени действительно прошло немало. С тех пор как Кевин уехал из поместья Парсон после окончания весенних каникул, они больше не встречались. Кто бы мог подумать, что Освальд заберет старого дворецкого с собой во дворец.

Скорбная мина Иена ничуть не изменилась, когда он произнес:

— Премного рад снова вас видеть.

— ...Спасибо, — ответил Кевин. По лицу старика, конечно, этого сказать было нельзя.

— Я пойду позову молодого господина, — он, видимо, настолько привык к старому обращению, что никак не мог перестроиться. Поднявшись, он запнулся и поправился: — Ах да, Его Величество.

Кевин откинул одеяло:

— Не нужно, я выйду вместе с тобой.

Но не успел он опустить ноги на пол, как в дверях спальни выросла высокая фигура.

<http://bllate.org/book/18285/1753192>